

Анна Данилова

Куда это мы собираемся з

Куда ты бежишь? Куда ты бежишь, что ты бежишь? Почему ты молчишь?

Ева и ее мужчины

Водит...

Лев...

Григорий

Б...

Ева разделась, легла и
Бернара, что она неск

Кажется, ее бросил
очередной любовник?...

Анна Данилова

Ева и ее мужчины. Кажется, ее бросил очередной любовник?...

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=23305313

ISBN 9785448391743

Аннотация

Ева – молодая художница. Красивая, талантливая, открытая для любви, она, как неопытный канатоходец, балансирует на тонкой грани между увлечениями и настоящим чувством. Однажды в Париже, куда она привезла свои работы, одна дама заказывает ей портрет своей молодости... Кто знает, если бы не эта работа, может, и не встретила бы Ева свою настоящую любовь...

Ева и ее мужчины Кажется, ее бросил очередной любовник?...

Анна Данилова

© Анна Данилова, 2017

ISBN 978-5-4483-9174-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Она проснулась, открыла глаза и подумала, что почему-то в последнее время стала просыпаться все раньше и раньше. Что это – неосознанное желание вернуться как можно скорее домой или просто нервы? В маленькой прохладной спальне воздух, казалось, был синим. Ранняя весна, за окном – дождь, голубоватые простыни напоминают сугробы. В вазе одинокая красная роза, на этот раз она не возьмет ее домой. Она слишком уж перезрелая, почти черная, плотная, твердая, словно сделанная из упругого шершавого бархата. Светлые обои напоминают своим оттенком человеческую кожу.

Ева осторожно, чтобы не разбудить спящего рядом мужчину, опустила ноги на пол, накинули мужскую рубашку и вышла из комнаты. Можно было включить кофеварку,

но ей не хотелось встречаться с Вадимом, а ведь он всегда чувствует, когда она покидает постель. Ева быстро собралась, вышла из квартиры и осторожно прикрыла за собой дверь. Нелюбовь имеет свои приятные стороны, рассуждала она, оказавшись на улице, где мелкий нежный дождик освежил лицо и окончательно разбудил ее. Во всяком случае, она не страдает. Да и смогла ли бы она вот так ранним утром уйти от любимого человека? Ева плотнее запахнула плащ и ускорила шаг. До дома оставалось пройти всего два квартала. Нет, она не любила Вадима. И он это знал. Больше такое не повторится. Обман, рожденный жалостью... кто от этого больше страдает: мужчины или женщины? В основном женщины. Но сейчас страдают двое.

Она дошла до своего дома, зашла в подъезд и, лишь скользнув взглядом по ряду почтовых ящиков, вспомнила, как вчера вечером, когда она выходила из квартиры, чтобы пойти к Вадиму, ее соседка по этажу Елена Дмитриевна, уезжая в спешке на дачу, сунула ей в руки пакет, сказав: «Приходили тут к нашему профессору, а его дома не оказалось. Так ко мне позвонили и попросили передать вот эту посылку. Но он так и не появился, а мне уезжать надо. Хорошо хоть вас увидела. Передадите?»

Ева достала из сумки пакет. Ни адреса, ни штемпелей, ни сургуча, который всегда ассоциировался у нее с расплавленным шоколадом. На коричневой почтовой бумаге было жирно выведено черными чернилами: «Глебу Борисовичу Фиби-

ху».

Глеб Борисович, очень милый старичок, профессор биологии, занимал квартиру на той же лестничной площадке. Иногда он заходил к своей соседке-художнице, чтобы посмотреть ее новые работы, иногда присылал покупателей на ее картины, но, как правило, они уходили ни с чем: Ева редко продавала свои произведения. Она позвонила в квартиру профессора и прислушалась. Обычно он работал дома, но на этот раз его, вероятно, не было. Ева подошла к своей двери, достала ключи и тут услышала в квартире голоса и непонятный шум. Она поняла, что в квартиру кто-то пробрался. Но как? Отпереть мастерскую невозможно, настолько крепки были двери и надежны замки. Значит, с балкона... Конечно, она забыла запереть балконную дверь, а новую решетку обещали поставить лишь на следующей неделе. Надо было срочно позвонить в милицию, но телефон-автомат у соседнего дома. Остается одно – будить соседей и просить, чтобы разрешили позвонить. Ну да, конечно, у нее же есть ключ от квартиры Фибиха, он сам отдал ей запасной на всякий случай. Ева открыла дверь и через минуту уже набирала 02. Дежурный, приняв вызов, тут же бросил трубку. Ева осторожно прошла в комнату, где воздух, казалось, был пропитан стойким запахом старинных книг и пыли, и осторожно открыла двери балкона. Но увидев приставленную к нему лестницу, поняла, что опоздала. Что понадобилось грабителям в ее квартире? Картины? Золото?

Синяя с желтым машина приехала через четверть часа. Какие-то люди возились с замком, снимали отпечатки пальцев с дверной ручки, Ева отдала им ключи, и вскоре все зашли в квартиру.

– Вы можете сказать, что у вас пропало?

Она прошлась по квартире, убедилась, что все картины на месте, золото тоже, деньги – в альбоме Босха – целы. Единственное, что пропало – это пакет с бананами и восковые фрукты.

– Это дети, – сказал старший из прибывших милиционеров. – Кто бы мог подумать? Заявление будете писать? – Он усмехнулся.

– Нет, что вы, пусть себе едят на здоровье.

Синяя с желтым машина уехала. Было только пять часов утра. Ева успокоилась, заперла балконную дверь, выкурила сигарету и вспомнила, что квартира Фибиха осталась открытой. Что за утро! Какие-то пакеты, грабители, милиция! Она вернулась в квартиру профессора, хотела уже оставить пакет где-нибудь в комнате, на столе, к примеру, но любопытство взяло верх. Она знала, что поступает нехорошо, но пальцы сами развязали бечевку, развернули жесткую почтовую бумагу, и Ева увидела обычную видеокассету. Ей стало еще любопытнее. Она подошла к телевизору и вставила кассету. На экране появилось неприятное насекомое крупным планом – не то кузнечик, не то сверчок. Голос за кадром мяг-

ким, добрым, как у сказочника, голосом произнес: «А вот это молодая личинка африканской саранчи сбрасывает рубашку...»

Ева выключила видеомэгнофон, телевизор, кассету упаковала, перевязала бечевкой и, оставив на столе, вышла из квартиры Фибиха.

Вернувшись к себе, она приняла горячую ванну, позавтракала яблоком и кофе с булочкой и, забравшись под одеяло, крепко уснула, И снилась ей африканская саранча, сбрасывающая черную мужскую рубашку, такую, какая была последний раз на Вадиме.

Он пришел, как обычно, в шесть. Ева в черном из плотного шелка платье, напоминавшем палитру – настолько оно было заляпано красками, – встретила его словами:

– Я работаю.

Во всем облике Вадима, тридцатилетнего адвоката, высокого, худощавого, в светлом плаще, с небрежно накинутым на шею шелковым с орнаментом серо-розовым шарфом, ощущался какой-то немой вопрос.

– Извини, что не попрощалась, но ты так хорошо спал. Вадим, поверь, мне некогда... У меня цветы вянут, я не могу... Ты понимаешь?

Он, не обращая на нее внимание, прошел в прихожую, потом в самое сердце квартиры – мастерскую, где разделся, повесил плащ на вешалку, предварительно сунув шарф в ру-

кав, сел на стул и воззрился на неоконченный натюрморт. Потом перевел на вазу с красными розами: они были раскрыты и источали сладкий аромат.

– У тебя что, бессонница? Почему ты уходишь именно в тот момент, когда мне так необходимо видеть тебя?.. Я просыпаюсь, и мне начинает казаться, что тебя и не было, что я тебя вообще выдумал, понимаешь?

Ева ласково, как только могла, потрепала Вадима по плечу и улыбнулась. Как часть ей приходилось слышать от мужчины эти слова, вот теперь и Вадим угодил в расставленные ею почти бессознательно силки. Попался и барахтается.

– Вадим, я работаю. – Она вдруг поймала себя на том, что разговаривает с ним, почти как с ребенком, который мешает ее взрослому занятию.

И тут произошло то, чего она никак не ожидала: Вадим схватил розы – она знала, насколько остры шипы, но он даже не заметил этого – и швырнул их на пол.

– Я ухожу, – сказал он, резко повернувшись, и почти бегом направился к двери. – Я все... не могу...

Хлопнула дверь. Ева бросилась подбирать розы.

Она ждала Вадима ближе к ночи. Все утренние рассуждения о нелюбви с приближением темноты утрачивали свою определенность. Они были любовниками, и это во многом определяло стиль их общения.

Натюрморт так и остался незаконченным, розы одиноко смотрели в разные стороны, и Еве в темноте показалось, что

они покачивают своими темными головками, словно укоряя ее за бессердечие.

Когда вышли все сроки, а сон так и не шел, она, не зажигая света, подошла к окну и в ужасе отшатнулась. Она увидела белое лицо и невидящие глаза, блестящие при свете ночного фонаря. Она закричала. На балконе стоял человек. Ева кинулась к телефону. Но не успела она подбежать к стелу, как легкая занавеска всколыхнулась, балконная дверь со звоном ударилась о стену, и прямо перед ней возник силуэт мужчины.

– Бога ради, не бойтесь, это я, Глеб Борисович... Умоляю, успокойтесь...

Ева включила свет и увидела бледного, как мел, профессора Фибиха. Тот и сам трясся от страха, седые волосы его были взлохмачены, глаза смотрели жалобно, костюм забрызган грязью.

– Мы только что с электрички. Представляете, я потерял ключ. Вот как сердцем чувствовал, что случится что-нибудь такое. Смотрю, лестница приставлена... Кстати, а чего бы это? – Он перешел на шепот: – У вас гость?

– Да нет у меня никого, – в сердцах ответила Ева и без сил рухнула в кресло. Нервы ее были на пределе. – Это воры лестницу приставили. Еще утром.

Но тут на балконе вновь раздались звуки, и Фибих, словно очнувшись, хлопнул себя по лбу:

– Боже, там же Бернар! Разрешите и ему войти, он

отговаривал меня, хотел увезти к себе в гостиницу, а я его не послушался.

В комнату ввалился огромный мужчина. Возможно, костюм, в котором он был, когда-то сидел на нем хорошо, но сейчас выглядел ужасно – так же, впрочем, как и его владелец.

– Мы просим извинения, – с сильным акцентом сказал незнакомец, и Ева, опомнившись, что перед ней стоит молодой мужчина, плотнее запахнула на груди халат.

– Это все? Или там еще кто есть? – спросила она строго и прищурилась. Человек с акцентом внимательно рассматривал ее безукоризненной формы лицо с высокими скулами и чуть удлинненным разрезом темных глаз. Ева почувствовала себя маленькой девочкой, которой давно пора спать, а она не может отвести глаз от взрослого мужчины. Какой странный у него взгляд – изучающий, ироничный и вместе с тем властный.

– Знакомьтесь, это Ева. А это – Бернар. Он завтра уезжает. Приехал на два дня, привез кассету с оказией... Да что там! Предлагаю выпить!

Ева, которая так и не дождалась Вадима, молча кивнула.

– Вы мне, Евочка, только ключик дайте, а я сейчас мигом.

Глеб Борисович после опасного восхождения на второй этаж по хрупкой лестнице, обрадованный таким благополучным исходом дела, почувствовал себя явно моложе лет на тридцать.

– Мне надо переодеться, – сказала Ева и поднялась с кресла. Но Бернар жестом остановил ее.

– Вам и так хорошо, – доверительным тоном сказал он. –

Вы красивая, Ева.

– Вы кто? Англичанин? Кто?..

– Француз. У меня здесь осталось немного «Божоле», но сейчас буду пить водку. Вы любите водку?

Она хотела сказать, что сейчас она любит все, но промолчала. Она увидела на безымянном пальце Барнара обручальное кольцо и тихо вздохнула. В этом кольце заключалась целая жизнь, полная любви, детских голосов, смеха, забот, и, быть может, слез... Как от живет, этот Бернар, и что ему надо здесь, в России? Но она ни о чем его не спросила. Несколько минут наедине с гостем Ева провела словно во сне. Она не помнила, о чем они говорили. Она смотрела на открытое, красивое, покрытое ровным загаром лицо Бернара, всматриваясь в его голубые глаза, скользила взглядом по его розовым губам и замирала при мысли, что такой мужчина может поцеловать ее. Или она еще не остыла от ожидания Вадима? Ведь она ждала его, она не верила, что он может не прийти. А что, если сейчас раздастся звонок?

Бернар между тем достал из пакета, который неизвестно каким образом оказался на полу, бутылку вина.

– «Божоле», – сказал он и, улыбаясь, тронул Еву за руку.

Они ушли под утро.

– Знаете что, – заговорщически прошептал ей на ухо Глеб Борисович перед тем, как уйти, – вы очень понравились Бернару.

– С чего это вы взяли? – Она, как в тумане, складывала тарелки на полку и не понимала, что с ней происходит. От одного имени Бернара ей становилось не по себе.

– Я вижу, – ответил Фибих и, дружески пожав холодную ладонь Евы, добавил: – Жаль, что завтра... вернее, уже сегодня он уезжает...

Она хотела спросить его об африканской саранче, о касете и о чем-то еще очень для нее важном, но промолчала. Она знала, что через несколько часов начнется новый день, быть может, кончится этот долгий дождь, выглянет солнце, к ней придет Вадим, и жизнь ее потечет по прежнему, строго ограниченному принципам и условностям руслу.

Но прошла неделя, а он так и не появился. Ева работала в мастерской. Надев тонкие резиновые перчатки и вставив между пальцами кисти, она принялась писать самое себя. На холсте она видела всю свою жизнь, пеструю и легкую, как крылья бабочки, тяжелую и сложную, как кошмарный нелогичный сон. Образы, возникающие на холсте, задуманные в начале работы в бледно-зеленых с розовым и желтым тонам, постепенно насыщались густыми, как венозная кровь, разводами... Утомившись, она время от времени приходила на кухню, выпивала чашку чая или кофе, отдыхала, а затем

возвращалась к мольберту.

А в четверг вечером пришел Рубин. Так долго и дерзко мог звонить только он. Громкий, суетливый, большей и всегда «под мухой», Рубин сотрясал ее жизнь где-то раз в месяц. Приходил, рассказывал, как живет Москва, что творится на Крымском валу, за сколько на аукционе ушел Шемякин, что за «птица» выставляется в Пушкинском музее, кто повесился, женился или родился. Звал на тусовку в «подвалы», где был своим человеком. В Москве поговаривали, что Рубин содержит свой «подвал», куда вход посторонним заказан. Туда он привозил коллекционеров и продавал а килограммы разный хлам, остатки соцреализма: румяных дюрок, загорелых трактористок, грудастых матерей-героинь, совдеповские пейзажи – все потихоньку уплывало в Германию, Штаты, Бельгию, Францию... Говорили также, что будто бы скупает он ценные картины из запасников провинциальных музеев, но Рубин всегда отшучивался, говорил, что в запасниках уже брать нечего – «один грибок да краска отслаивается». Между тем из России уплыло два портрета Репина. Ева не хотела думать, что это дело рук Рубина, но почему-то страшно расстроилась.

– Ну что, птичка? – Он шумно вошел в прихожую и поставил на пол сумку, в которой что-то звякнуло. – Опять одна? Куды адвоката своего дела?

Длинные кудри Рубина были густо намазаны гелем и казались мокрыми. Гриша носил самую дорогую одежду, про-

стую и удобную, которая несколько облагораживала его грузное неповоротливое тело. От него всегда пахло хорошим одеколоном, а пил он исключительно французские коньяки – и в огромном количестве. К Еве он приходил отводить душу. Уговаривал ее продать ему картины, но всякий раз она отказывалась.

– Хочу повиниться, – заявил он и сразу прошел в мастерскую. – Мы тут поблизости недавно были, закусить было нечем, веселые, сама понимаешь, словом, Горохов Славка залез к тебе... Вот твои бананы. А ту дрянь мы разгрызли, раскрошили, не знали, что это стеариновые яблоки... – Он достал из сумки бананы, бутылки с пивом и пакет молока. – Тебе. Знаю, что ты любишь. Ты же ненормальная, вы все, художники, с приветом.

– А я милицию вызывала, чуть со страха не умерла. – Она обняла Гришу и поцеловала его в щеку. – Дураки, что я еще могу сказать.

– Ты не меняешься, сколько лет я тебя знаю... Посмотри, на кого ты похожа! Смерть ходячая! А платье? Ты что, в нем венчаться собралась? Мыши в церкви подохнут. Вся в краске, даже волосы... Вот скажи мне на милость, какого цвета у тебя волосы?

– Как какого? Серо-буро-малинового!

– Дура ты, Евка, они же у тебя светлые, как солнечный день в Астрахани.

– Ну, ты даешь! – Она захохотала. – Все такой же веселый.

– А полы когда мыла?

– Сегодня утром, а что?

– А то, птичка, что приятно мне в грязных и пыльных башмачищах разгуливать по твоей чистой квартире. Ладно. А теперь серьезно. Есть коллекционер, мой друг, приехал вчера из Штатов. Тебя ищет, кто-то ему что-то про тебя сказал. Помнишь, ты подарила Левке Драницыну «Три настроения»? Он видел. Теперь тебя ищет.

– Надеюсь, ты ему моего адреса не давал?

– Нет. Но могу, только прикажи.

Она покачала головой.

– А я, собственно, за тобой. Поехали на Баррикадную, там все собрались – и Левка, и Горохов, и Танька Сметова с Каплей... Тебя народ хочет. Сегодня один новенький, ты его не знаешь, Марфута, полотно продал за хорошие баксы... Поехали...

Она еще не решила, но Гриша уже помогал ей снимать перчатки.

– Голову не мой, не успеет высохнуть. Прикид есть?

– Как всегда – джинсы, Гриша.

– Ну и дура. Одевайся.

На Баррикадной, в заброшенном доме, находился Подвал. Это был их Подвал, там в свое время начинала и Ева. Не выходили оттуда неделями, спорили до хрипоты, работали тут же, как в студии, приглашали из ЦДЛ поэтов, прозаиков, слушали бардов, пили вино, курили, что придется... Ка-

залось, это было в прошлой жизни. Еве повезло, что первый муж оставил ей эту огромную квартиру, без которой сейчас она себе и жизни не представляет. Ник Анохин – Николай, Коля, ее первый муж, уехал в Германию. Насовсем. Бросил живопись, занялся ремонтом сантехники, живет «хорошо», так он сообщил в своем последнем письме. Смешно женились, смешно жили, смешно развились и смешно переписывались.

Теперь же Подвал изменился. Его отремонтировали – младшее поколение, на десять лет младше. Не верит народ, что дом этот когда-нибудь снесут. Длинноволосых юнцов и девиц с розовыми и зелеными волосами нет и в помине. Тусуются, значит, мирно общаются, тихо пьют, говорят, поют, иногда умирают. Все стало как-то тише и глуше, но не спокойнее. Тема продажи души не сходит с повестки дня. Но к этому уже привыкли, к чистоплюям вроде Евы относятся сносно. «Не хочешь „продаваться“, не надо. Другие найдутся». Встречаются иностранцы. Они улыбочивые после русской водки, деньги на закуску выдают щедро.

Ее узнали, но, быть может, и не заметили бы, если бы не яркий, как пасхальное яйцо, Гриша. Посадили на табурет, принесли вина и сыра. Пахло сырой штукатуркой от постоянных дождей, дымом, рыбой, скипидаром, керосином и еще Бог знает чем. Мешанина запахов, лиц, голосов, цветочных пятен. Таня Смехова, полная, похожая на купчиху, родила в прошлом году девочку, отдала на воспитание родите-

лям и вернулась в Подвал. Солидная, красивая, дорогая, как матрешка на Арбате. Говорят, занялась янтарем. Молится на Гришу, который поставляет ей покупателей.

Уже где-то через час Ева поняла, что напрасно согласилась прийти сюда. Когда очень громко пел какой-то бард – о России, о России и еще раз о России, – она незаметно выбралась на свежий воздух. Было уже темно. Она добрела до метро, проехала несколько станций, вышла из вагона, и ей почудилось, что впереди нее на эскалаторе... Бернар. Бежать не было сил, она смотрела, как он поднимается все выше и выше, и ей казалось, что она не догонит его никогда. Но когда поднялись и пошли к выходу, «Бернар» повернулся к ней и подмигнул. Это был не он.

Приближаясь к своему дому, она в траве, между деревьями, разглядела лестницу и погнала прочь мысли о Бернаре.

Возле подъезда Ева увидела Вадима.

– Ты давно ждешь? – спросила она так, словно они не виделись самое большее один день.

– Да нет, недавно. – Они поднялись, и возле двери Вадим обнял ее. Они простояли долго. Молчали.

– Пойдем, я напою тебя чаем. – Она открыла дверь и впустила его в квартиру.

В прихожей она оперлась на его руку и поняла, почувствовала, что этого доверительного жеста он ждал целую неделю. Он подхватил ее, уставшую, легкую, принес в спальню и, не зажигая света, стал раздевать.

– Нашла куда пойти, – мягко говорил он словно сам с собой, снимая с нее свитер и расшнуровывая ботинки. – В Подвал... Маленькая, что ли?

– А ты откуда знаешь?

– А я все знаю. Французы ей звонят какие-то...

Ева замерла и схватила его руки.

– Кто? Кто звонил? Откуда ты знаешь?

Он зажег свет, сел на постели и сорвал с шеи шарф.

– Я к тебе пришел, у меня же ключ есть. А тут телефон разрывается. Вот я и взял трубку. Его зовут Барнар. Бернар Жуве.

– Он что, здесь, в Москве? – Она схватила Вадима за плечи. – Ну же! Говори!

– Он звонил из Парижа. Сказал, что позвонит через три часа. В час ночи. Это что, твой новый покупатель?

Ева ничего не ответила. Откуда он узнал телефон? Фибих? Надо будет купить ему хорошего вина.

Она закрыла глаза. В постели, в объятиях Вадима, она на время забылась. И, даже когда зазвонил телефон, она не открыла глаз, а лишь теснее прижалась к горячему плечу Вадима и погрузилась в блаженную дрему. Какое ей дело до француза, который так далеко и с которым ее ничего не связывает. Они даже не успели поговорить толком, лишь смотрели весь вечер друг на друга. Больше всего Еве понравилось, что Фибих ни разу не упомянул Бернару о том, что Ева художница, не потащил его в мастерскую показывать

картины. Барнар воспринимал ее как обыкновенную женщину, а это было для нее самым главным.

Прошло еще несколько дней, и Ева поняла, что звонок Бернаре – звонок любопытства – был случайностью, как была случайна и их встреча. Однако ей хотелось повидаться с Глебом Борисовичем, чтобы лишний раз поговорить о Бернаре. Откуда они ехали на электричке и зачем им понадобилось забираться к ней на балкон? Когда она задала Фибику этот вопрос, профессор рассмеялся:

– Мы возвращались с моей дачи. Я, старый кретин, потерял там свой ключ... Мы опоздали на восьмичасовую электричку и уехали уже на последней. Стали подходить к дому, заметили лестницу, а так как мы были изрядно в подпитии, то нам показалось, что стоит забраться на ваш балкон, как оттуда мы, подняв лестницу, перекинем ее на мой, и я спокойно влезу к себе через форточку, благо она у меня большая. Но уже на лестнице я протрезвел. Барнар отговаривал меня, предлагал поехать к нему в гостиницу и переночевать там, но я же упрямый...

– А что это за кассета, которую он оставил Елене Дмитриевне?

– Так это он ей сначала оставил? Теперь понятно... А он звонил мне на дачу и спрашивал, получил ли я ее. Я, понятное дело, ответил, что нет. И тогда мы договорились встретиться с ним на вокзале, чтобы поговорить, эту кассету возвратил мне мой коллега из Сорбонны, его друг Клод Пейрар.

Он пишет работу по саранче... Ну, это вам, Ева, неинтересно. Словом, мы встретились, он толковал мне о соседке, но я думал, что это вы... А дальше вам уже известно. Мы приехали ко мне на дачу, пообедали там, выпили... Признайтесь, вы пришли не за этим?

Ева пожала плечами. Ее трудно было смутить.

– Он звонил вам?

– Не знаю, может быть... Как-то вечером, когда я возвращалась из гостей, телефон прости разрывался от звонков, но, когда я подошла, было уже поздно... Зачем вы дали ему мой номер?

– Он попросил, а я не смог ему отказать.

– Кто он? Чем занимается? Расскажите мне о нем, Глеб Борисович.

– Кажется, он математик, я был у него дома, в Париже, он живет недалеко от площади Вогез.

– А что он делает в Москве?

– Навещает друзей, отдыхает. Ему нравится Россия. По-моему, он наполовину русский. Я думал, вы успели поговорить об этом, пока я ходил за водкой... Помните, я дал вам целых двадцать минут!

– Напрасно. Каждый из нас живет своей жизнью. Он женат...

– Это ни о чем не говорит. К тому же я ни разу не видел его с женой. По-моему, они живут каждый сам по себе. Но советую вам в следующий раз добежать до телефона...

По-моему, Бернар думает о вас.

Ева вышла из квартиры профессора подавленной. Она и узнала главное – Бернар женат. И вообще, какое ей дело до него! Уехал он – и хорошо. У нее есть Вадим.

Вечером к ней снова заявился Гриша Рубин.

– Слушай, он там, внизу, – сказал он серьезно, и было видно, что он трезв как никогда.

Ева, нацелив на него кисти, зажатые между пальцами, в недоумении пожала плечами. Выглядела она крайне утомленной, ей эти дни хорошо писалось, она даже забывала про еду.

– Тот коллекционер, о котором я тебе говорил.

– Мне не нужны никакие коллекционеры. Я не собираюсь продавать свои картины.

– А зачем же ты их, черт возьми, пишешь? Чтобы раздаривать своим друзьям-алкоголикам, типа Драницына? Ты знаешь, за сколько баксов он загнал твои «Настроения»?

Ева ахнула.

– Ты нарочно говоришь мне это... Он не мог.

– Ты живешь в замкнутом пространстве, вернее, даже не живешь, а прозябаешь... Что ты видишь, кроме своей вонючей мастерской?! Продай с десятков картин, посмотри мир, поработай в Италии, во Франции, в Швейцарии, а чем тебя не устраивает пленэр в Голландии? Ты молодая баба, пользуешься бешеным успехом у мужиков, а живешь, как монахиня! Кого ты ждешь? Чего ты ждешь? Тебе что, нужна

выставка в

Третьяковке, Русском, Пушкинском? Что тебе вообще нужно? Ты за один сегодняшний вечер сможешь заработать столько, что этих денег хватит на то, чтобы выставяться на крымском валу в течение пяти лет!

– Не ори на меня! Как ты не понимаешь, что мне трудно расставаться со своими работами. Мне тяжело.

– Неужели надо обязательно голодать, чтобы решиться на такое? Ты мыслишь не теми категориями. Продавать свои картины – это нормально. Даю тебе пять минут.

– Откуда у тебя такая уверенность, что твой коллекционер непременно у меня что-нибудь купит?

– Он видел твои работы.

– Неправда.

– Я сфотографировал их тогда. Это я сюда поднимался по лестнице. И решетку на окнах два месяца назад снял тоже я. Она в моем гараже. Можешь убить меня. Но интуиция и опыт говорят мне, что ты должна жить иначе. Ты каждую зиму едешь на чужие дачи, чтобы писать пейзажи, словно у тебя не может быть своей дачи... Ты просто не знаешь себе цену. Очнись, тряхни своей головой, приди в себя, вспомни, что ты женщина... Брось своего адвоката, он по сравнению с тобой ничто... Те деньги, которые он тебе дает, ты можешь заработать за пять минут... Ева, я обещаю тебе, что, если ты сейчас откажешься, ноги моей больше здесь не будет. Решай.

Стало очень тихо. Ева слышала тяжелое дыхание Гриши,

он весь взмок, доказывая неправильность ее образа жизни, и вряд ли сейчас он думает о своих процентах. Она давно знает Гришу: многое он делает для души. Вот и сейчас он пришел только ради нее. Трезвый.

– Посмотри, у меня лицо не в краске? – Она придвинулась к нему и поцеловала его в щеку. Необычайная легкость охватила ее, когда она представила вдруг, как резко может измениться ее жизнь. Обманчивый ветер перемен коснулся ее лица. – Ладно, зови своего коллекционера, – выдохнула она. – В конце-то концов, мне надо освободить мастерскую. Столько уже накопилось, а я все пишу...

Коллекционера звали Майкл Робертс. Он ни слова не знал по-русски. Они разговаривали с помощью Гриши. едва этот худенький светловолосый американец вошел в мастерскую, как Ева сразу же поняла – он знает, что ищет. Выбор был сделан, он остановился напротив полотна «Желтые цветы», написанного в сюрреалистическом стиле.

Гриша вывел Еву на кухню.

– Я не поняла: он что, берет всего одну картину? Ты же говорил обо всех? Ты разыграл меня? Ради нескольких долларов ты мучил меня здесь полчаса!

– Спокойно, птичка. Я сделал тебе такую рекламу, что твои «Желтые цветы» уйдут сейчас за пять тысяч баксов. Тебя устраивает цена?

Она широко раскрыла глаза: пять тысяч долларов!

– Устраивает. Десять процентов – тебе...

– Никаких процентов. Он платит уесть тысяч, тебе пять, мне одну. и решетка на окна за мной. А ты в течение недели уезжаешь отсюда, идет? Куда хочешь, пользуйся моментом... – Гриша волновался, пот горошинами катился по его круглому полному лицу.

Они ушли, забрав картину. Ева почувствовала, что чего-то лишилась, ей было даже немного больно, но на кухне, на столе, лежали пять тысяч долларов.

Раздался звонок. Она взяла трубку.

– Ева? – услышала она знакомый голос с акцентом. – Я хочу вас видеть. Это Бернар, вы меня узнали?

– Узнала.

– Я звонил вам, вас не было дома?

– Да. Вы где?

– Скажите «да», и я закажу здесь, в Париже, для вас билет. Вам надо будет только забрать его в аэропорту. Я хочу, чтобы приехали ко мне в гости. Запишите мой телефон! 40—74 03 54. Почему вы молчите? Что у вас с телефоном?

– Я слышу вас, Бернар. Я записываю...

– Вы приедете?

– Приеду.

– Запишите адрес...

И тут их разъединили. Ева от волнения не знала, куда себя деть. В квартире было тихо, но ей постоянно мерещились голоса, ей казалось, что мастерская наполнена людьми, со-

бирающимися скупить все ее картины. Она вошла в мастерскую и посмотрела на то место на стене, где еще недавно висела картина «Желтые цветы». Теперь там было пустое место. Она писала ее осенью, на даче Драницына. Она жила у него больше недели, много работала, шли дожди, рано темнело, они слевой долгое время спали в разных комнатах, переговаривались перед сном, но в конце концов он не выдержал... Это был осенний роман, красивый, непродолжительный, плодотворный: той осенью Ева написала более двадцати натюрмортов и несколько вещей формального плана. Прав Гриша: жизнь продолжается, не могли же эти «цветы» висеть здесь до конца ее дней? Нет, конечно.

Она почувствовала голод. Вспомнила о том, что в холодильнике пусто, и позвонила Грише.

– Как ты думаешь, Гришенька, я правильно поступила? – спросила она.

– Нет слов, – ответил Рубин, он был уже пьян и еле ворочал языком. А она хотела пригласить его в ресторан.

Но появился Вадим. Увидев Еву в черном вечернем платье с открытой спиной, он пришел в восхищение. Блестящие волосы красиво уложены на затылке, в ушах – длинные, до плеч, агатовые серьги.

– Я хочу в ресторан, в тот, где нам подавали улиток и петуха в вине. Я хочу есть, я умираю от голода.

Это был, скорее, бар, чем ресторан, под скромным названием

«Bistro Francais». Ева заказала теплый зеленый салат с козым сыром, дюжину улиток в чесночном соусе, блинчики «Сюзетт» и суфле «Гран-Марнье». Вадим заедал французскую настойку петухом в вине. Это был праздник живота, праздник жизни. Только вот Ева выглядела несколько рассеянной. Она смотрела куда-то мимо Вадима и о чем-то думала.

– Мы встречаемся с тобой уже больше года, – проговорил Вадим, стараясь не смотреть на Еву и кроша булку в тарелку с соусом. – Ты знаешь, что я люблю тебя. Я многое прощаю тебе, но ты продолжаешь встречаться с другими мужчинами.

Этот Рубин, зачем он тебе нужен? А Драницын? Скажи, ведь это из-за него ты поехала в Подвал? Ты же сказала мне, что между вами все кончено.

Ева подняла на него глаза.

– Ты сошел с ума, Вадим! Мы пришли с тобой в ресторан, чтобы отдохнуть, а ты несешь здесь, бог знает что... Какой Драницын, какой Рубин, о чем ты? Я живу так, как мне хочется. Я предупредила тебя в самом начале, что не потерплю насилия. Или ты считаешь, что я должна сидеть дома, работать, а все свое свободное время проводить только с тобой? Тебе уже недостаточно, что я провожу с тобой ночи?

Мне это скучно.

Прав был Гриша, тысячу раз прав: она не так живет. Она ушла в себя, а Вадим лишь усугубляет это одиночество. Зачем так болезненно любить? Почему бы ему ни радоваться

своей любви? Он сидел перед ней, опустив голову, обиженный взгляд его был теперь обращен на растерзанного, пропитанного вином петуха. Вадим в постели, словно стакан молока на ночь: регулярный и полезный. С Левой было намного веселее. Лева был непредсказуем.

Вадим положил руку на ее ладонь. Жест был настолько естественным и произвольным, что в душе Евы что-то перевернулось. Она наклонилась к нему и заглянула в его глаза. Какая печаль, какая невыразимая грусть сквозили в его взгляде! Как же он боялся потерять ее!

– Я люблю тебя, Ева. Я не могу без тебя. Я знаю, что ты решила бросить меня. Я это чувствую. И этот звонок ночью...

Она почувствовала себя предательницей. Она провела с ним

ночь, она позволяла ему любить себя, а сама в это время вынашивала, как незаконное дитя, мысль о скором отъезде в Париж. А ведь он ничего не знает. Он ничего не знает о Бернаре, о ее тягостном ожидании следующего звонка, когда он назовет ей день отъезда и время... Как же может она быть такой жестокой? И когда она стала такой?

– Едем к тебе, – неожиданно сказала она и поднялась из-за стола. – Немедленно. Я хочу тебя, Вадим. – Она схватила его за руку и, не помня себя от желания обнять его, почти выбежала из бара.

Мокрый асфальт блестел черным глянцем, в нем отражал-

ся голубой и желтый свет фонарей. В такси Вадим крепко обнял ее за плечи и прижимал к себе с такой силой, что, казалось, боялся, будто она сбежит. Свободной рукой он обнажил ее колено, и теперь, в темном салоне машины, оно белело и выглядело страшно непристойно. Ева легко коснулась рукой чуть ниже живота Вадима. Как же странно устроен человек!

Быть может, разумом она и противилась мужчине, а плоть стремилась к плоти, и Ева слепо подчинялась этому, стараясь не думать об инстинктах.

В его спальне пахло дождем, запах которого врывается через открытое окно, капли его блестели на подоконнике. Вадим нежно промокал влажный лоб Евы, она, обнаженная, лежала, положив голову на его плечо, и курила.

– Значит, ты хотела уехать без меня?

Она убрала волосы со лба и кивнула.

– Я хотела начать новую жизнь, понимаешь? Мне казалось, что я буду больше писать, что я изменюсь, стану совсем другой. А какой человек не хочет перемен?

– Я, например. Я хочу, чтобы всегда лежала вот так же, положив голову мне на плечо, чтобы мы всегда были рядом, чтобы ты встречала меня на пороге, пусть даже со своими противными кистями... Выходи за меня замуж, Ева.

Она не пошевелилась. Замужество у нее ассоциировалось в основном с детьми, а к этому она еще не была готова.

Внезапно ей захотелось домой.

Закутавшись в простыню, она подошла к окну. Москва светилась мутными от дождя огнями, шелестели потемневшие кроны деревьев, где-то внизу, в подворотне, скулила брошенная собака.

– Я хочу домой, – сказала Ева. – Ты же знаешь, я могу работать даже ночью. Кроме того, теперь я боюсь за свою мастерскую. Надо будет завтра утром позвонить Смушкину, чтобы он со своими ребятами как можно скорее поставил решетки. Я пойду, а? – Она оглянулась и увидела, что Вадим отвернулся к стене. Он обиделся. И так будет всегда.

Она легла рядом. Закрыла глаза, и ей почудилось, что на соседней улице, в пустой квартире, раздался телефонный звонок. «Алло, Ева, почему же ты не берешь трубку...»

Перед самым отъездом Ева нашла в себе силы отключить телефон. Она закончила в тишине и полном затворничестве новую работу под названием «Петух в вине». Сюжет был таков: все наоборот – петух с кроваво-красным гребнем сидит за столиком в кафе, а мужчина и женщина, разрезанные на кусочки, но улыбающиеся, лежат на тарелке, рядом соусник с майонезом, кудрявый свежий салат, розовые креветки, вазочка с белым жасмином.

Она работала больше месяца, устала, ждала и наконец приняла решение поехать одна, не дожидаясь приглашения и билета. Не хотелось зависимости. Ее провожал Гриша. Обещал никому не сообщать ее адрес и телефон.

– Не боишься, птичка? – спросил Гриша. Он выпил слегка там же, в аэропорту, когда они ждали посадки. В ресторане он продиктовал ей названия улиц, даже дал какой-то телефон.

– Мне ничего не нужно. Твои знакомые – общие знакомые. Я сама. – Она нежно взглянула ни него.

– Почему ты ни разу не оставила меня на ночь? Я для тебя слишком толст? Почему? Ты глупая, Ева, все не тех выбираешь.

– Наверное, Гришенька.

– Квартиру надежно заперла? Решетки на окна поставила?

– Поставила. – Она не сказала ему, что для надежности спрятала все свои работы у Глеба Борисовича. – Вот только цветы пришлось поручить соседу.

– Могла бы и мне оставить ключи.

– Зачем? Не представляю, как бы ты ухаживал за моими бегониями... У тебя и так много дел.

– Дела бы подождали, тем более что твоя мастерская представляет для меня больший интерес... Но ты же ненормальная, думаешь, пять тысяч долларов – это такие большие деньги? Ты проживешь их очень быстро. Постарайся снять квартиру где-нибудь на окраине. Дешевле будет. В крайнем случае, как кончатся деньги – позвони, я тебе вышлю или передам через знакомых. В этом ты можешь быть уверена. Да, вот чуть не забыл: если тебя захочет найти Майкл, ему тоже нельзя будет сообщить твой адрес?

– Смотри по обстоятельствам, Гриша, мне трудно сейчас что-либо предугадать. Ведь я и Вадиму ничего не сказала. Я хочу от всех и всего оторваться. Улететь.

– Ты ведешь себя, как влюбленная женщина. Очень странно. Я был уверен, что ты поедешь туда со своим адвокатом. – Он посмотрел на часы.

Париж встретил Еву хмурыми тучами и теплым дождем. В куртке, джинсах и легком свитере, с небольшой дорожной сумкой в руке, она стояла в аэропорту перед телефонной кабиной и не знала, с какой стороны к ней подойти. Номер она выучила наизусть. Искушение было столь велико, что она с огромным трудом заставила себя отойти от телефона и пошла по оживленной узкой улочке, куда глаза глядят. Она впитывала в себя запахи, звуки и те непередаваемые ощущения, какие дает сознание того, что ты находишься в незнакомом тебе месте.

Она двинулась наугад по бульварам в поисках хотя бы временного жилья. Не зная ни одного слова на французском, она мола бы спросить кого-нибудь из прохожих на английском и наверняка отыскала бы гостиницу намного быстрее. Но ей не хотелось ни с кем разговаривать. Чувствуя необычайную легкость во всем теле, она пошла по Парижу, как по музею, рассматривая красивые здания, большие, утопающие в зелени площади, пока не вышла к Северному вокзалу. Миновав площадь Клиши, она попала на авеню Батиньоль

и долго плутала, пока не оказалась в тупике Бово, в самом верху предместья Сент-Оноре, на углу авеню Гош. Для этого ей пришлось, изнывая от усталости, набрести на парк Монсо, окруженный со всех сторон решеткой с золочеными пиками, напротив которой выстроились в ряд роскошные особняки. На дверях первой же гостиницы висела табличка «Мест нет» на французском и английских языках. Здесь же, на мраморной доске, была надпись: «Комнаты на сутки, неделю или месяц. Водопровод, центральное отопление». Ева толкнула тяжелую застекленную дверь и оказалась в мрачном холле, где за конторкой сидела девушка с круглыми очками на носу и что-то записывала.

– Мне нужна комната, – сказала Ева по-английски и замерла в ожидании ответа. Она, как и все русские, не верила тому, что писалось на дверях гостиниц. К тому же она так устала и проголодалась, что у нее прости не было сил продолжать поиски приличной гостиницы.

Девушка оторвала взгляд от конторской книги и внимательно осмотрела посетительницу.

– Очень маленькая комната на втором этаже вас устроит? – Она говорила по-английски немного лучше Евы. – Три тысячи франков в месяц.

Ева сочла цену вполне приемлемой и согласилась, заплатив

вперед за неделю. Девушка, ее звали Клотильда, провела Еву

на второй этаж и показала ей комнату. Достаточно просторная,

с широкой кроватью, шкафом, письменным столом и двумя

креслами. Рядом с комнатой находилась маленькая, выложенная

голубым кафелем ванная. Из разговора с Клотильдой Ева поняла, что за отдельную плату здесь можно поесть утром и вечером. Она попросила записать на листочке адрес и телефон гостиницы и поставить в комнату телефонный аппарат.

– Ужин через полчаса, – сказала Клотильда и, ободряюще улыбнувшись, закрыла за собой дверь.

Вот и все. Теперь она совершенно одна. Что ее ждет в этом сказочном и немного нереальном городе? Она подошла к окну. Перед ней открывался вид на небольшую узкую улочку, почти скрытую пышно разросшимися каштанами. Вдоль улочки стояли прижатые к друг другу небольшие, красного кирпича дома с витринами и яркими полотняными козырьками от солнца. Людей почти не было видно, хотя дождь и прекратился. Ева открыла окно и вдохнула воздух. Париж пах мокрым асфальтом, кофе и свежее испеченным хлебом: должно быть, внизу находилась кухня, где готовилась пища для постояльцев.

Ева достала из сумки блокнот, ручку с черными чернилами и набросала все, увиденное ею в тупике Бово.

После ванны, накинув на плечи зеленый купальный халат – собственность гостиницы, – Ева вернулась на успевший полюбовиться ей за это короткое время подоконник, достала сигарету и закурила. И только теперь поняла, как же проголодалась. Через четверть часа в дверь постучали, вошла Клотильда с подносом. Жареный цыпленок, салат, булочки, масло, крохотная баночка с джемом и кофе в кувшинчике.

После ужина она провалилась в сон. ей снился аэропорт Руасси и великое множество телефонных будок, дождь синего цвета, пузырящиеся лужи, какие-то незнакомые люди... Сон оборвался – это стучали в дверь. Ева моментально проснулась. Она вновь увидела улыбающуюся Клотильду. Та принесла новый ярко-зеленый телефон. «Ну, что смотришь, позвони Бернару», – оставшись одна, сказала себе Ева и взяла трубку. Она представила, какое у него будет удивленное лицо в тот момент, когда он услышит ее голос. А что, если трубку возьмет его жена? А ничего, собственно. Ева назовет свое имя и попросит Бернара. Она набрала номер и замерла. Трубку взяли не сразу. Но потом Ева услышала чистую русскую речь. Голос был женский.

Ева представилась.

– Отлично. Он ждет вашего звонка уже больше месяца. Сейчас я передам ему трубку.

Она услышала голос Бернара. Он не скрывал своей радости.

– Где вы остановились? Вы можете сказать?

Ева взяла листочек и продиктовала адрес и телефон.

– Я рад, Ева, как я рад! Если вы не устали, я сейчас приеду за вами. Но на это уйдет некоторое время.

– Я не устала, Бернар, я только что поспала. Приезжайте.

Вот и все, вот и кончилось ее одиночество. Сейчас приедет Бернар и увезет ее отсюда. Куда? Зачем?

Она принялась лихорадочно собираться. Вытряхнула из сумки все свои вещи и оставила выбор на черном платье, в котором была последний раз с Вадимом в бистро. Но потом вдруг подумала: а что, если Бернар собирается отвезти ее к себе домой, а не в ресторан или бар? Она быстро переделась и, когда постучали в дверь, была уже в джинсах и свитере. Она едва успела подкрасить ресницы и губы, расчесать свои длинные волосы и решила не закалывать их.

Она сказала по-русски: " Да!», и дверь отворилась. В комнату вошел Бернар. Он был в вельветовой куртке и джинсах и показался Еве намного моложе, чем там, в Москве. Похоже, он и сам не знал, как ему себя вести. Он подошел и быстро схватил ее за руку, но потом как-то неловко приобнял и коснулся губами ее виска. Она закрыла глаза и стала ждать продолжения, но он сразу же отпустил ее и сел в кресло.

– Почему? – всплеснул он руками. – Почему ты не позволила мне? Почему не выкупила билет? Я ничего не понимаю.

– Я работала, во-первых, а во-вторых, хотелось побыть одной.

– Я не понимаю, но скажу, что я нашел для тебя здесь работу. Я за этим и звонил. Это хорошие деньги, думаю, вы согласитесь...

Ева, сначала не обратив внимание на его слова, заметил, что он обращается к ней то на «ты», то на «вы», и решила снять эту проблему, обратившись к Бернару на «ты».

– Ты нашел мне работу? Но зачем? Что я могу здесь делать? – Она продолжала верить в то, что Бернар ничего не знает о ее занятиях живописью.

– Потом. Это потом. Сейчас мы поедem на остров Сен-Луи, в ресторан. Джинсы? – Он улыбнулся. – Это все?

Ева достала платье и пошла в ванную – одеваться. Что это за остров – Сен-Луи? От волнения она дрожала и никак не могла попасть в рукава. Наконец она надела платье, расправила тонкую ткань на груди и бедрах, отметив про себя, что сильно похудела за последние дни, подправила макияж и подняла волосы, заколов почти на макушке. «Лучше бы он не приходил, столько волнений, столько всего непонятного...»

Она заперла комнату и отдала ключи Клотильде, которая читала у себя за конторкой. Она что-то спросила по-французски, Ева не поняла, Бернар быстро перевел:

– Она спросила, будешь ли ты ночевать здесь?

– Да-да, – поспешила ответить по-английски Ева и отвернулась, чтобы не встречаться взглядом с девушкой. Она даже не хотела видеть выражение лица Бернара, настолько нелов-

ко себя почувствовала.

Возле гостиницы стоял большой белый автомобиль. Бернар помог ей сесть, обошел машину, сел на свое место и вдруг повернул к Еве лицо. Его черные волосы блестели от бликов уличных фонарей, голубые глаза смотрели как-то жалобно. Почему?

– Я хотел тебя видеть, звонил Фибиху, я ждал, я очень ждал... – Он привлек ее к себе и поцеловал в губы. Он целовал ее долго и нежно, а она вспомнила его появление у себя в квартире, их застолье, разговоры и подумала, что, если бы он так поцеловал ее там, в Москве, она могла бы жить в Париже уже больше месяца.

По дороге Ева призналась Бернару, что она не голодна и ее вполне устроит какой-нибудь бар или кафе, где они могли бы спокойно поговорить и обсудить дальнейшие планы. Она сказала, что намерена в Париже работать. Но, произнося последнее слово, поняла, что проговорилась и сейчас он спросит, чем именно она намерена заниматься. Но Бернар, похоже, не обратил внимания на ее слова.

– А кто та женщина, которая взяла трубку? – спросила Ева, чтобы перевести разговор на другую тему.

– Моя жена, Натали. Тебя удивило, что она говорит по-русски? Она русская.

Ева вздрогнула, как если бы ей плеснули в лицо кислотой. Потом она долго смотрела в окно, воспринимая Париж

теперь уже по-другому. Она не радовалась ни теплой, наполненной ароматами цветов ночи, ни присутствию рядом с ней мужчины, о котором так много думала. Даже сигарета, которую он ей предложил, показалась ей горькой.

В маленьком баре они взяли по коктейлю, и Бернар спросил, что случилось и почему она грустила.

– Я никак не могу привыкнуть к мысли, что я уже не в Москве. Мне почему-то страшно.

– Это пройдет. У меня тоже так было в Москве, я проснулся, и оказалось, что я не дома. Я всегда буду рядом, ты всегда сможешь рассчитывать на меня.

Она горько усмехнулась. В баре было немного посетителей, в основном молодые парочки, забредшие сюда, чтобы выпить, посидеть, а потом вновь отправиться гулять по ночным парижским улицам. На столиках горела оранжевые светильники, спокойный усатый бармен не спеша смешивал напитки и улыбался вновь вошедшим. Ева заметила, что, когда они только вошли сюда, он в знак приветствия помахал рукой и Бернару.

Около полуночи Ева запросилась домой. Она так и сказала: домой.

– Ты никуда не поедешь. Ты будешь жить у меня.

– Я не могу. А как же жена?

– Мы разделили дом, она живет на второй половине. У нее сейчас наверняка гости. Кроме того, она хочет познакомиться с тобой. Она безумно любит русских.

Ева ждала, что вот сейчас Бернар расскажет ей о своей жене

– как они познакомились, как случилось, что она, русская, оказалась в Париже, но он молчал, смотрел на Еву и прерывал это молчаливое рассматривание лишь для того, что заказать еще выпивку.

Когда они вышли их бара, он сказал:

– Не могу еще поверить, что ты здесь. Мне снится сон?

Как бы и ей хотелось, чтобы это был сон! Во сне позволено все. Во сне она бы непременно уступила ему и поехала с ним хоть куда, даже к нему домой, она бы позволила ему целовать себя до утра, она бы многое спросила у него и рассказала бы сама. Но это был не сон, она шли по улицам обнявшись, и Ева ничего не понимала. Зачем ему было приглашать ее, если он живет с женой? Он воспринимает ее как русскую путешественницу, искательницу приключения или любви?

И все же это был сон. Они вернулись в машину, и Бернар вновь поцеловал Еву.

– Мы не должны этого делать, – сказала она и отвернулась к окну.

– Почему? Я же так ждал тебя, я постоянно думал о тебе.

– Я не знаю. Я не могу. Не спрашивай меня. Ты же сам все понимаешь.

– Разве ты приехала не ко мне? – И вновь эти глаза, которые просят если не любви, то хотя бы нежности.

– Нет. Я приехала не к тебе. Отвези меня в гостиницу.

Они быстро мчались по пустынным ночным улицам, проехали по мосту через реку. «Должно быть, Сена».

Вдруг он резко затормозил, вылез из машины, обошел ее и открыл дверцу. Ева поняла, что должна выйти. Ей стало не по себе.

– Ни к тебе, ни ко мне, – сказал он, взяв ее за руку, и повел за собой через дорогу. Они вошли в ярко освещенный подъезд дома, где консьержка поздоровалась с Бернаром, поднялись на третий этаж, прошли долгий гулкий коридор, пока не остановились напротив какой-то двери. Бернар достал ключи и отпер замок. – Ни к тебе, ни ко мне, – повторил он и закрыл за собой дверь.

И тут случилось то, чего она больше всего боялась. Он набросился на нее и стал страстно покрывать поцелуями ее лицо, шею, плечи, грудь. Платье, словно вторая кожа, медленно сползло вниз, обнажая ее тело.

– Я... Я ждал тебя... – Он вел себя так, будто всю жизнь ждал этой минуты. Подхватив Еву, Бернар отнес ее куда-то вглубь квартиры. – Я знаю, ты приехала ко мне. Я не должен был уезжать, не должен был оставлять тебя одну в Москве... Я звонил... – Он уложил ее на постель и принялся судорожно раздеваться. – Я звонил, а трубку взял мужчина... Он находился в твоей комнате... Ты была там?

Она уже лежала на спине и не могла пошевелиться. Бернар, продолжая ласкать ее, раздвинул ей колени.

– Ты была там? Ты не хотела взять трубку?

– Нет! – крикнула она, но он ей зажал рот своими губами. Она почувствовала на бедрах его горячие руки, и все смешалось в ее сознании. Она слышала только стук деревянной спинки кровати о стену и вздохи мягкого, словно наполненного воздухом, матраца. Бернар был сильным мужчиной, он, не давая ей времени опомниться, то опрокидывал ее на спину, то поднимал на своих сильных руках и подбрасывал вверх, то захватывал сзади и проникал в нее, что-то бормоча по-французски и целуя ее спину и затылок.

Он угомонился только под утро. Они уснули обнявшись. Ей показалось, что она спала одну минуту, между тем, когда она открыла глаза, был уже полдень. Солнце заливало комнату. Она увидела белый потолок и спускавшийся почти к самой постели прозрачный, как мыльный пузырь, светильник. Бернар, не открывая глаз, обхватил ее обеими руками и сказал:

– Не отпущу. – И она услышала где-то совсем рядом биеие его сердца. – Буду держать тебя вот так всегда, чтобы ты не уехала.

– Где мы? – спросила она, пытаясь высвободиться, но он крепко сжимал ее. – Не у тебя и не у меня?

– Это квартира Пейрара. Он в Лозанне. Спи.

Пока он ходил вниз за молоком, Ева лежала в постели. Мысли ее сбились, она не могла думать ни о ком, кроме муж-

чины, который сейчас войдет в комнату. Ей не хотелось уходить, как уходила она рано утром от Вадима. Но какая-то сила все же заставила ее подняться и прикрыться простыней. Тут же распахнулась дверь, и в комнату почти влетел Бернар. В руках он держал пакет.

– Я уж думал, что ты сбежала. Я так спешил... – Он присел на постель и поцеловал ее. – Ты ешь кукурузные хлопья? С горячим молоком?

Она пожала плечами: разве теперь это имело значение?

Он умчался, должно быть, на кухню, потому что она услышала

звон посуды, шум льющейся из крана воды и пение.

Ева, стараясь двигаться бесшумно, осторожно проскользнула в

ванную и встала под душ. Под прохладными струями воды она

постепенно приходила в себя. В зеркале, почти во весь рост, она увидела себя, обнаженную, и подивилась своему отражению. Ей показалось, что на нее смотрит неизвестная ей женщина. Что-то такое читалось в ее взгляде, что хотелось спросить эту женщину: это Бернар сделал тебя такой счастливой или это вообще не ты?

В горячем молоке желтые кукурузные хлопья стали совсем мягкими. Бернар разливал по чашечке кофе.

После завтрака он, снова крепко взяв ее за руку, проводил до машины, усадил на сиденье и, отлучившись ненадолго,

го, вернулся с букетом неизвестных Еве желтых и розовых цветов.

– Кажется, кончился дождь, – сказал он, усаживаясь. – Ну вот, а теперь домой.

Дом, в котором жили супруги Жуве, занимал полквартила Марэ и был окружен большим садом. Двухэтажный белый, хорошо оштукатуренный, с высоким парадным крыльцом и массивной застекленной дверью, дом сказал Еве о многом. Проходя сквозь густую арку дикого винограда и поднимаясь по ступенькам на крыльцо, она чувствовала себя неуверенно. Увидев их счастливые лица, Натали Жуве поймет все. Как Ева посмотрит ей в глаза?

Но Натали сама открыла дверь, и теперь, не стесняясь, рассматривала Еву. На мадам Жуве был желтый брючный костюм, на голове – белая шелковая косынка. Высокая, худощавая, загорелая, она, казалось, нарочно скрывала свое лицо – оно было почти полностью спрятано за огромными темными очками. Волосы тщательно собраны под косынкой. Губы – темно-вишневая блестящая полоска – улыбались, открывая ровные белые зубы. Одно было очевидным: Натали годилась Бернару в матери.

– А я вас жду! – заявили он, пропуская их в дом. – Сара приготовила пирог с капустой и суп с грибами, как у вас в России.

В доме было прохладно и просторно. Такое впечатление,

что хозяйева могли спокойно обходиться практически без мебели. Огромные комнаты с блестящим оранжевым паркетом и белыми диванами вдоль стен украшали лишь цветы в стильных напольных вазах да картины, развешанные по стенам. Ева мысленно оценила работы и поняла, что в этом доме знают толк в живописи. В комнате, куда привела ее Натали, на стене, на самом центре, висело небольшое полотно, принадлежащее кисти Шемякина. Или, во всяком случае, его ученику.

– Бернар, солнышко, я сказала Саре, чтобы она приготовила твоей подруге комнату для гостей. – Натали села на краешек кресла и жестом пригласила Еву последовать ее примеру.

– Я знаю, о чем вы думаете, деточка. – Натали сняла очки и внимательно посмотрела на гостью. – Вы прикидываете, сколько мне лет, верно? Так вот: много. Но пусть вас это не беспокоит. Мы с Бернаром давно живем каждый сам по себе. Мы с ним старые друзья. Если бы не он, меня давно бы уже не было на этом свете. Поверьте мне, его можно любить, его нужно любить. А как он ждал вас! Он рассказал вам о портрете?

Вот оно, началось. Ева выдержала взгляд Натали, но ничего не сказала. Бернар, который в это время, звеня льдом, готовил напитки в другом конце комнаты, подошел как раз в тот момент, когда Еве нужно было что-то ответить.

– Бернар, ты что, дружок, ничего не сказал Еве о портре-

те?

– Мы не успели, верно? – заговорщически подмигнул он Еве и протянул ей бокал.

– О каком портрете идет речь? – осторожно спросила она, хотя настроение у нее мгновенно испортилось. Сейчас эта старая гримза закажет ей написать свой портрет за двадцать франков. Так вот зачем надо платить за счастье! Как она пожалела, что позвонила Бернару! Ей было даже неприятно, что Бернар, усаживаясь рядом с ней, как бы ненароком коснулся рукой ее обнаженного колена.

– Я вам потом расскажу, Евочка. Главное, что вы приехали. Остальное успеется. Сейчас выпьем немного и пойдем обедать.

А в шесть часов придет Пьер. Я договорилась с ним об уроках. Ведь вам надо изучать язык. Но с Пьером у вас проблем не будет. Он мой большой друг и очень обязан мне. Пройдет несколько месяцев, прежде чем вы начнете понимать хотя бы общий смысл сказанного. Иначе здесь нельзя.

– Вы думаете, что я останусь здесь надолго? – удивилась Ева. События разворачивались настолько стремительно, что она едва успевала все осознавать.

– А что вам делать в России? Купите здесь дом оборудуете мастерскую и работайте себе на здоровье. Начнете выставляться, скажем, на площади Константен-Пекер или еще где, подумаем...

Ева не верила своими ушам. Откуда они все о ней знают?

Фибих?

Она взглянула на Бернара. Его черные волнистые волосы блестели под солнечными лучами, а глаза на улыбающемся загорелом лице выглядела почти прозрачными. Он или делал вид, что ничего не происходит, или просто упивался своей победой, своим обманом. В самом деле, это надо было понять намного раньше: с какой стати ему, человеку, который едва с ней знаком, так форсировать ее приезд, зачем он звонил в Москву, зачем эта безумная ночь на квартире Пейрара? Они заманили Еву сюда, в Париж, чтобы делать на ней деньги или просто использовать ее талант. И она приняла решение – выдержать до конца этот обед, выяснить до конца условия ее пребывания в этом доме, а там уже будет знать, как ей поступить.

– Бернар, так расскажи мне о портрете.

– Нет-нет, о делах потом, а сейчас отдыхай, вечером я покажу тебе Париж, а завтра мы ходим в Лувр, Бобур, в музей Родена... Наслаждайся...

– А что, собственно, мешает поговорить об этом сейчас, хотя бы в общих словах?

– Об этом вы поговорите с Натали после обеда. – Бернар взял ее за руку и ласково потерся о нее щекой, как котенок. Ева заволновалась. Нет, сегодня же вечером она уедет в гостиницу, а оттуда переедет куда-нибудь подальше, за город. И уж оттуда точно никому не позвонит. Даже Грише.

В комнату вошла симпатичная черноволосая девушка –

должно быть, Сара – и сказала, что обед на столе.

Натали пригласила всех в гостиную, где на большом овальном столе, покрытом белоснежной скатертью, были расставлены приборы. Все расселись, Бернар налил красного вина и сказал:

– Предлагаю выпить за твой приезд, Ева. – Он не сводил с нее глаз. – Я очень надеюсь, что тебе здесь понравится.

Во время обеда Натали без умолку говорила о России, просила Еву рассказать о том, что сейчас происходит в Москве, спрашивала о ценах. Интересовалась, правда ли, что русские женщины перестали рожать, а деревни вымерли. Чувствовалось, что связь с родиной у нее потеряна, и что она имеет о ней туманное представление. В каком мире живет эта женщина, если не читает даже русских газет? Что ее интересует больше всего?

– Ваши родители знают, что вы здесь? – спросила Натали, подкладывая гостье на тарелку большущий кусок пирога с капустой.

– У меня нет родителей.

Натали зажала рот салфеткой:

– Боже мой, вам же нет еще и тридцати! Извините, ради Бога.

А вот скажите, фамилия Анохина – ваша? Я имею в виду – девичья?

– Нет, Анохин – фамилия моего бывшего мужа. – Ева произнесла это настолько резко, что Натали уже не сомневалась:

разговор на эту тему полностью исчерпан.

Теперь, когда она была без очков, Ева могла разглядеть ее красивой формы лицо с тончайшей кожей плотно обтягивающей большой выпуклый лоб, маленький тонкий нос, огромные, в густой сети едва заметных морщинок, черные глаза. Так обычно выглядит лицо женщины, перенесшей пластическую операцию. Интересно, какого цвета у нее волосы?

После обеда Сара накрыла им столик в саду, под тентом. Бернар, извинившись, сказал, что ему нужно срочно съездить в университет, где его ждут студенты. Ева вспомнила, что ее новый друг – математик. Она кивнула и даже обрадовалась, что осталась, наконец, наедине с Натали. С ней Еве было намного проще. Видимо, эта женщина умела быть конкретной и откровенной. Сейчас она расскажет ей все.

– Я думала, Бернар не знает, что я художница. Мы в Москве провели вместе не более трех часов, мы даже не говорили... Нас познакомил профессор...

– Фибих. – Натали предложила Еве закурить. – Я все знаю, мне рассказал Бернар. Я вам сейчас открою тайну. Бернар слышал о вас еще в прошлый свой приезд в Москву. У вас с ним есть некоторые общие знакомые, которые показывали ему слайды ваших работ. Все недоумевали, почему вы отказались выставляться и вообще ведете себя, как бы это сказать, неестественно... Вы понимаете, о чем я говорю?

– В каком смысле? – Ева густо покраснела. А она-то наде-

ялась, что представляет для Бернара хоть какую-то тайну. – Что вы имеете в виду?

– Разве вам не нужно признание? По моему мнению, это не здоровый подход к искусству. Нельзя быть настолько эгоистичным, чтобы писать только для себя. Поделиться своими чувствами с человечеством – это нормально. Зачем прятать свои картины? Почему у вас, в России, считается зазорным продавать свои работы коллекционерам? Вздор! Был бы спрос! Поймите, я не собираюсь воспитывать вас, я вам никто, верно? Но посоветовать-то можно, надеюсь? – Она улыбнулась и предложила Ева вазочку с печеньем.

– Но разве тот факт, что я здесь, не говорит о том, что я изменилась?

– Пока нет. Но я верю, вас ждет блестящее будущее, и я вам помогу. Поверьте, я столько лет живу здесь, в другом, скажем так, мире, и признаюсь вам, что я не стала бы вкладывать силы, деньги и время в человека бесталанного. Я верю в вас.

– Неужели толь по слайдам вы и оценили меня? Вернее даже,

со слов Бернара. Ведь вы даже и слайды не видели?

– Полгода назад я была в Москве. – Натали подняла на нее свои огромные глаза, и Ева вдруг увидела в них такую боль и безысходность, что даже перевела взгляд на окно. – Друзья отвезли меня на дачу к Драницыну. И вот, посмотрите, что я у него приобрела... – Она встала и пригласила Еву следовать

за ней. Они вошли в дом и оказались в большой, похожей на галерею, комнате. В ней было почти темно от густых зарослей клематиса, увивающего окна с внешней стороны террасы. Натали включила подсветку, и Ева увидела среди висевших на стенах полотен и свой триптих «Три настроения». Это были три стилизованных женских лица, которые, в зависимости от того, с какого расстояния их рассматривать, напоминали то беседку, увитую розами, то сосуд с черными ветками или корнями, то сову...

У нее не было слов. Как же легко Левушка предал ее, продал ее, пропил, можно сказать. Она ничего не сказала и вышла на террасу.

– Напрасно вы подумали о нем плохо – словно угадывая ее мысли, произнесла у нее за спиной Натали. – Вы должны быть ему благодарны. Он первый открыл вас.

– Я не хочу о нем говорить. Лева всегда был непредсказуемым человеком. Как мне кажется, он гораздо талантливее меня, но пьет слишком много. Я не собираюсь его судить, это не мое дело. – Она взяла в руки шоколадную конфету, которая быстро начала таять, раскусила ее и ощутила жгучий вкус ликера. —

А откуда вам известно о том, что я продала одну картину? Это вас тоже Лева сказал?

– Нет. Не Лева... Ева, мне кажется, что вы сегодня ночью мало спали, поэтому предлагаю вам отдохнуть. Сейчас Сара покажет вам покажет вашу комнату. Она находится как раз

между моей и его половиной. Советую вам пока поддерживать нейтралитет, хотя бы внешне. Я понимаю, что вы сейчас испытываете к Бернару. Но можете поверить, он ждал вас, и дело не в моих планах или в вашем таланте. Вы понравились ему как женщина. И в этом нет ничего удивительного. Вы молодая, красивая... Я скоро отпущу его.

– Как это? – осторожно спросила Ева.

– Узнаешь, но позже.

Натали так неожиданно перешли на «ты», что сразу стала Еве как-то ближе. И только в комнате, куда отвела Еву прислуга, она пожалела, что разговора о портрете и обо всем прочем не получилось. Хотя главное она поняла: Бернар для нее перестал существовать.

Она думала, что ей не удастся заснуть, но едва голова ее коснулась подушки, как сон, словно крылья пестрой нежной бабочки, коснулся ее глаз, и она, измученная сомнениями, уснула. А когда проснулась, решила немедленно встретиться с Натали и выслушать ее условия. Она вышла из комнаты в своем обычном виде – джинсах и легком свитере, заранее настроившись на отказ по Парижу. Кроме того, ее почему-то заинтересовала встреча с человеком по имени Пьер, о котором упомянула Натали. Изучить язык – что может быть естественнее в такой ситуации?

Она шла по длинному коридору мимо многочисленных дверей – размеры дома не переставали ее удивлять.

Где же проходит граница между половинами Натали и ее мужа? Внезапно Ева остановилась и прислушалась – в одной из комнат кто-то говорил на повышенных тонах. Речь была французской, поэтому ее не могли бы заподозрить в подслушивании. Ева приблизилась к двери, из-за которой доносились голоса, и вся превратилась в слух. Она узнала голоса Бернара и Натали. Он явно упрекал ее в чем-то. И тут она услышала русскую фразу, брошенную Натали в сердцах:

– Ты не должен так поступать со мной! Я очень долго ждала этого дня. Оставь ее здесь, не морочь ей голову... – И снова по-французски.

Ева на цыпочках прошла дальше по коридору, вышла на лестницу, спустилась вниз и по памяти добралась до террасы. Там, за столиком, окруженным зеленью и цветами, сидел маленький сухонький старичок в белом полотняном костюме. На остром его носу сверкали стеклами очки. Он сосредоточенно читал газету. Перед ним стояла чашка с чаем. Увидев Еву, он тут же снял очки и прищурился.

– Ева? Меня зовут Пьер. – Он плохо говорил по-русски. – Мы можем начать занятия прямо сейчас. – Он жестом пригласил ее сесть рядом.

– Прежде мне бы хотелось побеседовать с мадам Жуве, – сказала Ева.

– Конечно. Она сейчас спуститься. Хотите чаю?

Но Ева ничего не хотела. Она с нетерпением стала поджидать Натали, которая появилась довольно скоро.

– Идемте, теперь я покажу вас свою комнату.

Вот оно, приглашение к серьезному разговору. Ева стремительно поднялась, но вдруг увидела выходящего на террасу Бернара. Он, как и Пьер, тоже был во всем белом. Он пытался улыбнуться, но ничего не вышло.

Натали провела Еву в комнату, стены которой были обиты розовым шелком. Так, наверное, отделявали комнаты еще во времена Бальзака. Старинная мебель в стиле Людовика XIV, бархатные шторы, ковры блеклых тонов.

Этот роскошный будуар оказался полной противоположностью полупустому дому. Чего здесь только не было, каких только пуфиков и столиков, кресел и диванчиков! Натали в сером, перламутрового оттенка балахоне устало опустилась в кресло и медленно стянула с себя белую шелковую кофточку. Ева с ужасом увидела стриженную седую голову. Как изменилась эта женщина, мгновенно постарев и потускнев!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.